

Юрий Черчинский

Девушка в крапиве и цветах

ПОВЕСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Анатольевич Черчинский

Девушка в крапиве и цветах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63803571

SelfPub; 2021

Аннотация

Страшная история, рассказанная студентом первого курса Александром Тихониным. Чтобы осуществить мечту своей жизни, юная героиня вынуждена совершать жестокие преступления. Содержит нецензурную брань.

Юрий Черчинский

Девушка в крапиве и цветах

День 6

– Санька, вставай, твою сучку убили! – брызгая слюной, кричал дед Лёня над кроватью внука. Борода у деда была дико взлохмачена, глаза сверкали: он вышел в огород по утренней нужде, а увидел страшное, безумное, чего не должно быть в огороде. На худых плечах деда болталась старая телогрейка, из-под неё до колен свисали синие трусы в белый горошек, мокрые снизу – с пережитым страхом мгновенно ушло и желание сходить в уборную, покосившуюся в конце огорода в кустах крапивы.

Но восемнадцатилетний внук Санька крепко спал, завернувшись в одеяло с головой. Парень приехал на каникулы домой, в посёлок на берегу реки. Санька отучился первый курс в университете большого города на платном отделении, на что ушло три свиньи и бык. Ведь, по словам матери, что видному парню делать в захудалой деревне, в город надо, в город, там с нужным образованием работу можно найти денежную.

– Вилами её в брюхо саданули! – дед сорвал с внука одеяло и врезал ладонью Саньке по затылку. Санька с трудом

проснулся, едва сумев разомкнуть опухшие веки. Долго соображал: чего дед орёт над кроватью, что деду надо? Жуткое похмелье раскалывало голову, сильно мутило. Санька проклял себя за то, что вчера напился до беспамятства, хотел показать Катьке, что он настоящий мужик, что она ему пофигу. Но она, зараза, только презрительно посмотрела на него и уехала с Котовым.

Шатаясь и хватаясь за стены, Санька побрёл на кухню, спотыкаясь о половики. Окунул красное, горящее лицо в бак с холодной водой и жадно стал глотать воду. Немного полегчало.

Санька посмотрел на деда, глаза никак не могли сфокусироваться и дед троился. Спросил, с трудом ворочая распухшим языком, шершавым, как наждачная бумага:

– Кого убили? Нашу собаку Венерку?

– Девку твою – Катьку! Тама – в огороде лежит! Голая и в цветах вся... – тут голос деда сорвался – представил увиденное – и хрипло, едва слышно добавил. – Ведь тебя обвинят. Ты же, паразит, вчера пьяным на всю улицу орал – убью! И топором махал.

– Где она? – Санька проглотил слюну и почувствовал – мозг замерзает.

– В огороде... что делать-то теперя? – Дед с трудом переставляя опухшие в суставах ноги, поспешил за внуком на улицу.

Солнце над посёлком ещё не взошло. Всё вокруг было

предрассветно серым. Холодно и сыро от росы. Она крупными каплями покрывала половицы крыльца, траву, сложенные вдоль забора берёзовые дрова. Будто дождь ночью прошёл. Санька поёжился. Тут только заметил, что стоит на крыльце в одних боксерах. Снял со стены висящую на крюке гвозде телогрейку, в которой мать ходила доить корову, набросил на плечи.

Санька отворил калитку в огород и увидел Катю! И околел от страха. Дед сопел за спиной, тыкая палкой.

Девушка лежала на свежеструганных досках настила-стола. Отец вчера сделал для разделки свиней: предстояло оплатить второй курс обучения. Девушка лежала совершенно голой, скрестив руки на груди. Голову охватывал венчик из ромашек, а грудь, живот, ноги покрывали полевые цветы, что в изобилии росли на поляне за плетнём огорода между речкой и горой Крапивихой. С боков помост для чего-то обложили высокими, толстыми стеблями крапивы. «Как хворостом погребальный костёр», – мелькнуло у Саньки в голове.

– Вона, вишь куда её пырнули, – прошептал дед, указывая пальцем на четыре чёрных дырки выше пупка. – Только крови пошто-то нет и вилы чистые. Дед кивнул в сторону вил. Они были приставлены к бревенчатой стене бани. Саньку передёрнуло: он на миг представил, как этими вилами, держа их за ручку, перемазанную навозом, этими чёрными, острыми... в живот...

Санька ртом хватанул прохладный воздух, ноги подкосились. Парень сел на парник, смяв плетни огурцов. В тот же миг из-за горы Крапивихи вырвалось солнце, ослепило глаза. В радужных бликах Саньке представилось, что мёртвое тело девушки вспыхнуло огнём, как на жертвенном костре.

Санька мотнул головой и вдруг только сейчас ясно осознал, что произошло! Катя – студентка университета, его однокурсница, приехавшая с ним в посёлок на время каникул, лежит мёртвой на помосте для разделки свиней! В его огороде! Убитая вилами! И вся в крапиве и цветах!

С первых дней их приезда в посёлок всё пошло наперекосяк! Катя, девушка, в которую он влюбился с первого взгляда, как только она вошла в аудиторию на первое занятие, оказалась... Голубоглазая, светленькая, воздушная, такая вся чистенькая и вдруг...

«Что она со мной сделала! За что?! – Санька обхватил голову. – Я любил её и проклинал!»

В доме слышались вопли матери и перепуганный голос отца. Отец кричал: «Где штаны!?»

Санька обернулся. Деда рядом не было. Это он поднял с постели родителей. Рассказал про убитую Катю в огороде.

Дверь дома распахнулась так, что с косяка слетала подвешенная на удачу подкова. Глухо ударилась о половицы, скапала в траву. В огород ворвался отец. Штаны он не нашёл. Рубаху натянул на левую сторону. Отец увидел мёртвую девушку в цветах, схватил сына за плечо и ударил кулаком в

лицо. Санька взвизгнул и, как щенок, отлетел к бане. Ударился головой, сверху упал оцинкованный тазик.

В огород прибежала мать в старом, заношенном халате. Трясущимися руками никак не могла застегнуть мелкие сиреневые пуговики. Увидев убитую, заголосила, но тут же заткнула себе рот красной морщинистой рукой.

– Сашенька, да как же это? – тихо, боясь быть услышанной соседями, запричитала она. – Мы же в город послали тебя учиться. Последние денежки отдали, бычка закололи, свиней... А ты? Привёз её. Беда-то какая... Что же будет?

– Не убивал я её, мама! – Санька бросился к матери и спрятал лицо в её тёплой груди. – Не убивал!

Санька заплакал, протяжно завыл, понимая, что теперь ему не будет жизни.

– Полицию звать надо, – сказал отец. Сорвал с верёвки полотенце, окунул его в бочку с водой, вытер лицо.

– Они же Сашеньку заберут... – зарыдала мать, крепко прижимая сына.

– Не убивал я, мама! – рыдал Санька.

– Будут они разбираться-то, – вздохнул дед, достал папиросу, закурил.

– Вот что, сын, – сказал отец, выдернул у деда изо рта папиросу, затащил, пытаясь унять дрожь в руках. – Я тебя сейчас в Горловку увезу, к деду Афоне, скажем – там ты ночевал...

– Сорок лет мужику, а дурак! – рыкнул дед, закурил новую

папиросу. – А если кто увидит? И вся улица видела, как он вчера домой пьяный припёрся. Правду говорить надо.

– Может, найдут убийцу? – в потухших глазах матери затеплилась надежда. – Не заберут Сашеньку.

– Найдут, – отец крепко пожал матери руку. – Саньку же все знают. Он, когда воробья из рогатки подстрели, всю неделю рыдал.

– Головой, а не одним местом, думать надо было, – дед бросил окурочек на землю, затоптал его пяткой галоши. – Притащил из города эту сучку...

– Была такая миленькая, светленькая девочка, – всхлипнула мать.

– Миленькая... – передразнил отец, но тут же спрятал от жены глаза, что-то вспомнив. – Штаны мне неси. И пиджак. Пойду к соседям звонить.

– Ты сразу скажи – Сашенька не виноват.

– Да помолчи ты! Я Николаича знаю, он толковый мужик. И Саньку нашего с рождения знает.

Отец бросил окурочек в лужу у насоса и пошёл в дом, обернулся:

– Вы тут ничего не трогайте!

Минут через двадцать подъехал полицейский уазик. Резко затормозил у дома Тихониных. Дорожная пыль догнала машину и водитель, чихнув, матюгнулся на раздолбанную тракторами дорогу.

Подождав, когда пыль осядет, из машины вышел молодой

лейтенант с изящными усиками, явно начитавшийся Агаты Кристи. Недовольно смахнул пылинки с новенького кителя. Невысокий, полноватый он действительно чем-то походил на знаменитого сыщика Эркюля Пуаро.

Следом за лейтенантом из машины вылез майор с мятым, заспанным лицом. Степан Николаевич давно служил, с рождения жил в посёлке. Хотел на пенсию, но начальство не отпускало. То ли из-за высокого роста, то ли кто-то из ребяташек, прочитавших в школе Михалкова, так впервые сказал, только все жители посёлка называли начальника полиции дядей Стёпой.

– Привет, Сергей, ты звонил! – поздоровался майор с отцом Саньки, но потом грозно сверкнул глазами, негодуя – первое убийство за пять лет. – Где труп?

И это перед тем, как начальство почти согласилось отпустить его на пенсию, и он собирался поехать пожить к дочери в Сочи. Отдохнуть, на море посмотреть. Последний раз видел его, когда на флоте служил. А теперь... Майор поморщился.

– В огороде, – отец Саньки робел перед властью. Сам того не замечая, то расстёгивал, то застёгивал пиджак. Июльское солнце уже пригревало, и спина покрылась потом под шерстяным пиджаком.

Увидев убитую девушку в цветах, молодой лейтенант побледнел, покраснел, усики опали. В глазах майора, много повидавшего за тридцать лет службы, заблестели огни изумле-

ния, и сонливость как рукой сняло.

– Во дела, бля! Это же! – майор снял фуражку и вытер пот со лба. – Виталий – обратился он к лейтенанту – вызови экспертов. Чертовщина какая-то! Маньяка нам только не хватало. Убитую знали? Как зовут? Откуда?

– Из города она, – поспешила с ответом мать Саньки, выйдя вперёд, словно закрывая собой сына. – Катя Раскрепова. В гости к нам приехала.

Услышав имя и фамилию убитой, майор пошёл красными пятнами, пот защищал глаза.

– Во, бля, – выдохнул майор, почувствовав, что воздух обжёт лёгкие. – Вчера из края звонили. Сказали – если что... Во бля! Где Подлесный? Я приказал ему глаз с неё не спускать! Даже в уборной сидеть рядом!

Майор в отчаянье махнул рукой. Достал сотовый телефон. Набрал номер. Вздрогнул и уставился на труп девушки: в цветах, окружающих её, раздался звонок сотового телефона.

– Во, бля, это же телефон Подлесного, – набрал новый номер. – Дежурный? Где Подлесный? Когда? – обратился к лейтенанту – тут серьёзное дело. Я приказал Подлесному следить за убитой, утором пастухи нашли Подлесного в трёх километрах от посёлка. Оглушили ударом по голове тупым тяжёлым предметом. Лежит в больнице, не приходил в себя. Виталю, съездишь, узнаешь, как он там. Травма, говорят, не тяжёлая, очнётся – допроси. Опытный опер и подставился.

– А что там она в правой руке держит? – спросил майор, заметив в руке убитой девушки комочек розовой ткани. Лейтенант, надев резиновые перчатки, достал из цветов сотовый телефон и вытащил из руки розовый комочек. Расправил.

– Это розовые женские трусы – стринги, – сказал лейтенант. Положил найденные вещи в пакет.

Майор строго посмотрел на Саньку и спросил:

– Ничего не трогали на месте преступления? Вилы чьи?

И показал рукой на вилы, стоящие у постройки для поросят.

– Наши вилы, Степан Николаевич, – ответила мать Саньки. – Вот тут у поросятника всегда стояли.

– Виталя, посмотри, не этими вилами? – обратился к лейтенанту начальник полиции. – Хотя... Эти в навозе. Другими убили. Сплошные загадки, бя. Раздели девушку догола, но зачем в руки трусы сунули?

– Да, – согласился лейтенант. – И крови нет. Не здесь убили. А насчёт трусов – не знаю. Маньяк, наверное.

Всё дальнейшее Санька воспринимал как кошмар, а когда лейтенант приказал ему следовать в полицейскую машину, чуть не пустил в штаны с перепуга. Так всё внутри ослабло. Перепугался ещё больше, когда посадили его на место для арестованных и с громким хлопком заперли зарешёченную дверцу. Машина тряслась на ухабах. Пыль пробивалась через щели и душила Саньку, щипала глаза.

Майор Степан Николаевич провёл Саньку в свой кабинет.

Достал из холодильника графин и дал парню напиться холодной воды. Подождал, пока перепуганный парнишка придёт в себя.

– Рассказывай, – сказал по-доброму майор и сел не за свой стол, а рядом – на потёртый диван, где в изголовье лежали свёрнутые в рулон одеяло, простынь, подушка.

– Что рассказывать? – растерялся Санька.

– Где познакомился с уби... с Екатериной Раскреповой?

– В университете. Мы учимся в одной группе. Она мне сразу понравилась. Но она же городская. Не обращала на меня внимание. А в апреле подошла, попросила помочь с рефератом. Познакомились. Два раза ходили в кино. Потом она долго не хотела со мной никуда идти, говорила, что занята. Но за неделю до каникул вдруг попросила, чтобы я взял её с собой в наш посёлок.

– Почему попросила?

– Не знаю, я удивился: такая девушка и со мной. Я так был рад!

– А Катя как сама объяснила?

– Сказала, что никогда не была в деревне. Что я так красиво рассказываю о нашем лесе, озере с водопадом.

– Ты рассказал о нашем посёлке, и Катя сразу же предложила поехать? – майор не мог понять: зачем такой красивой девушке, на тысячу процентов городской, ехать в деревню с парнем... Майор посмотрел на Саньку и кашлянул: не красавец, скромный, домашний... Весь под свою фамилию

подстроенный – Тихонин. Даже смешно подумать, что влюбилась в него. Интуиция сыщика подсказывала – тут что-то другое. И высокое начальство звонило: приказало следить за Екатериной Раскреповой. Осторожно и незаметно...

– Не сразу, – Санька задумался: теперь он уже знал, что Катя никогда его не любила, но тогда, зачем поехала?

– Вспоминай.

– Она предложила поехать, когда я рассказал ей об озере с водопадом.

– О там, где Котов построил себе дом?

– Да! Я говорил ей о доме Котова. Она даже переспросила у меня его имя, фамилию.

– А с родителями Екатерины Раскреповой ты встречался? Знаешь, кто они?

– Нет, Катя не приглашала меня домой. О родителях ничего не говорила. Только вот – при встрече с моими родителями, когда мы сидели вечером за столом, она сказала, что её родители... чем-то торговали. Разбились на машине.

– Если бы не знал тебя с детства, – Степан Николаевич взглянул в глаза Саньке, но кроме страха, растерянности там ничего не увидел. – Отпущу тебя домой. Распишись вот здесь – это подписка о невыезде. Знаешь, что это такое?

– Нельзя из посёлка уезжать.

– Верно. Сейчас пойдёшь в седьмой кабинет, там с тебя отпечатки пальцев снимут. Не трясись, так надо. Виталья, – обратился к лейтенанту, – проводи парня. И по дороге заведи

в туалет – пусть холодной водой умоется.

Санька спустился с высоко крыльца полиции, ноги онемели, и парень сел на скамейку под кустом сирени. В тени, от прохладного ветерка, голова перестала кружиться.

«А ведь пять дней назад, когда мы с Катей приехали в Отрадное, я был самым счастливым человеком, влюблённым в самую лучшую на свете девушку», – подумал Санька и заплакал.

День 1

Старенький «Москвич – 412» кофейного цвета жалобно скрипнул на ухабе и остановился у здания автовокзала. Июльское жаркое солнце пекло через лобовое стекло, панель нагрелась – не притронуться. Сергей Леонидович решил подождать сына на лавочке в тени раскидистых берёз. Посмотрел на часы «Командирские». 12.30. Ещё целых сорок минут ждать. И то, если старый «Пазик» не сломается в дороге.

Три месяца назад Сергею Леонидовичу исполнилось сорок два года. Выглядел он молодо. Густые волнистые волосы ещё не тронула седина. Рост метр восемьдесят. Плечи широкие. При встрече на таких мужчин обычно заинтересованно поглядывают молодые женщины. И такие взгляды, что скрывать, радовали, значит, есть в нём ещё что-то интересное. Хотя сама жизнь – скучная до омерзения. Работа – дом – работа. Цифры, цифры, цифры... тысячи, миллионы. А самому на жизнь едва хватает. В санаторий один раз ездил, и то, в местный, убогий, по бесплатной путёвке. Из круп-

ных городов только в краевом центре был. Теперь ещё сына Саньку учить. Хорошо жена работающая: куры, гуси, свиньи, корова, два бычка. Жалко её, на старуху стала походить, и одевается по-старушечьи. А ведь ещё сорок всего. Да и бесполезно на жизнь жаловаться. Хорошо, у него хоть такая работа есть. Многие мужики совсем без работы. Спиваются.

Сергей Леонидович сел на деревянную лавочку в стиле пятидесятых годов. Над головой нависла скульптура девушки, с чем – не понятно: руки, одна нога и голова у скульптуры оторваны, и как сломанные кости торчит ржавая арматура.

Сергей Леонидович поморщился и почему-то вспомнил, как однажды он поздним вечером возвращался с работы. Проходил мимо Дома культуры по заросшему парку. Половина фонарей чернели разбитыми глазами, остальные пугливо, тускло светили, словно боялись, что их тоже разобьют. На одной из скамеечек под сиренью, густо цветущей и едко пахнувшей, сидели подростки лет пятнадцати: три парня и две девушки. Видимо, только что вышли из кафешки. Пьют пиво, хохочут, матерятся. Девушки развалились, курят, ноги торчат из-под коротких юбок до трусов. Один из парней – кудрявый, с нахальными глазами лапает свою подружку за грудь. Та только хохочет. Сергей Леонидович обошёл молодёжь стороной: мало что пьяным в голову стукнет. В последний раз обернулся – там уже назревало такое! И вдруг почувствовал зависть к юнцам. Сам в молодости он никогда не сидел вот так с девчонками. А ведь в школе, техникуме слыл

красивым парнем и девушки сами липли к нему. Но он даже не целовался ни с одной из них. Какая-то дурацкая робость, нерешительность. Какой красавицей была его однокурсница Таня. Сама пригласила его купаться на речку. Вспомнил Таню, и приятная дрожь пробежала по телу. Таня, загорая, лежала на спине совсем близко. Её горячее бедро касалось его холодного бедра. Он не смел пошевелиться. Так и пролежали, пока Таня не встала, грациозно не потянулась, как бы говоря: «Ну и дурак же ты», и побежала купаться. Потом, встречаясь в коридорах техникума, насмешливо смотрела на него.

«Действительно, дураком был, – подумал про себя Сергей Леонидович. – Только вот молодость того, тью-тью».

К «Москвичу» Сергея Леонидовича лихо подъехала иномарка Агатова – бывшего одноклассника, который теперь занимался извозом из посёлка в город и обратно. Из иномарки выскочил Санька и учтиво распахнул переднюю дверцу. Перекинув ноги, как в голливудском фильме, поднялась с сиденья девушка в белой прозрачной блузке и белой юбочке. Сверкнули на солнце золотистые босоножки на высокой платформе.

В груди Сергея Леонидовича приятно булькнуло: таких длинных и стройных ног он давно не видел. Тем более, когда она повернула ноги, чтобы встать... В животе булькнуло два раза.

«К кому она приехала? – удивился Сергей Леонидович. –

От неё так и прёт городом!»

– Батя, привет! – радостно воскликнул Санька. – Познакомься, это Катя – моя однокурсница.

– Здравствуйте, Сергей Леонидович, – улыбнулась девушка, ослепив белыми зубами и яркой помадой. – Александр так много рассказывал о красоте природы, что я напросилась посмотреть своими глазами. Вы не будете возражать, если я погощу в вашем доме несколько дней?

– Нет, что вы, – заволновался Сергей Леонидович, почувствовав, что сердце торопливо бьётся, как у подростка. Вытащил из иномарки чемодан девушки и втиснул его на заднее сиденье «Москвича». В багажнике было слишком грязно для модного белоснежного чемодана.

Сев за руль, Сергей Леонидович мельком взглянул в зеркало: не слишком ли оброс щетиной и не видна ли грязь на вороте рубашки? «Чёрт, что я так потею?» – выругался он на себя.

Санька распахнул переднюю дверцу и Катя села в машину. Её длинные ноги уперлись коленями в панель, и девушка, чуть повернувшись, склонила их в сторону рычага переключения скоростей. Сергей Леонидович покраснел, поймав себя на том, что вот уже третий раз смотрит на ноги девушки.

– Жарко сегодня, – сказал Сергей Леонидович, вытирая ладонью пот с лица. А тут ещё яркое солнце, врываясь лучами в машину через лобовое стекло, просвечивало блузку Кати, делая ткань почти невидимой. И бюстгальтер почти про-

зрачный...

Отвернувшись, делая вид, что смотрит в боковое зеркало, спросил:

– Вы в городе живёте?

– Батя, давай без «Вы», – рассмеялся Санька, довольный тем впечатлением, какое его девушка произвела на отца.

– В городе, – ответила Катя.

Сергей Леонидович завёл двигатель. Нагретый двигатель протяжно заскулил. Двинул рычаг скоростей вперёд, но уткнулся кулаком в ноги девушки. Резко отпустил педаль сцепления. Машина рывком взяла с места. Катя, отвернув голову, улыбнулась: «Взрослый мужик, а покраснел как мальчишка». Склонила ноги в другую сторону – к дверце.

Сергей Леонидович прикусил губы, вдруг почувствовав разочарование, когда Катя убрала ноги. И всю дорогу молчал. Санька даже подумал: не рассердился ли отец на него за то, что он приехал с Катей без предупреждения.

Мать Саньки, Елена Николаевна, увидев девушку на пороге собственного дома, растерялась, скомкала фартук, не зная, куда деть руки – грязные после кормления свиней.

– Что ж ты не предупредил? – воскликнула она. – Заходите в дом. Я быстро.

Забежала в спальню переодеться. Закусив губы, сердилась на себя за то, что руки противно трясутся, что платье сделалось каким-то узким и не лезет на потное тело. С трудом застегнула молнию на спине. Волосы ещё запутались. Чуть

клок не вырвала.

Краем глаза заметила Санька, когда он проходил мимо двери. Позвала его, шепнула:

– У неё что, тут в посёлке родственники?

– Нет, у нас поживёт несколько дней, – ответил Санька, гордо расправив плечи. Мать считала его робким, а тут такая девушка приехала с ним!

– А как же? Куда её положим?

– В мою комнату, а я в зале – на диване.

– Вот и ладно, – облегчённо вздохнула мать, укоряя себя за то, что в голову пришла глупая мысль. В городе ведь такое твориться. Но Сашенька не такой. И Катенька, сразу видно, девочка чистая, порядочная. Как её только родители отпустили?

Вечером, успев быстро истопить баню и помыться, Елена Сергеевна за ужином узнала, что родители Кати владели магазинами по продаже одежды, но разбились на машине, беденькая! Порадовалась за сына – с такой славной девочкой дружит.

В окно заглянула луна, маленькая комната заполнилась голубым светом, и всё стало казаться прозрачным, воздушным. «Хотя до этого, при свете лампы... – Катя наморщила нос, – такой примитив: белёные стены с ковром из ветхозаветных времён, самотканые кружки, крашенные грубые половицы...»

Кате захотелось, чтобы прозрачности в комнате стало как

можно больше. Девушка подошла к окну, раздвинула шторы, распахнула окно. Ночной прохладный ветерок принёс запаха цветов, леса. Девушка вспомнила, что огороды этой улицы выходят прямо в лес и на речку. Здорово. Катя сбросила юбку, блузку, улыбнулась... и прочь всю одежду, как богиня любви Афродита, только не морской пене, а в лунном свете.

Девушка почувствовала на себе внимательный взгляд, но не задернула шторы, а, наоборот, подошла ближе к окну, заметив, что у палисадника дома стоит парнишка и восхищенными глазами смотрит на неё.

«Представляю, как я красива!» – Катя помахала парнишке рукой, задернула шторы и легла в хрустящую чистотой простынь: «Не знаю, где мать Саши откопала в деревне такое чистое постельное бельё» – закрыла глаза и уснула.

Девушке приснилась лесная солнечная поляна. Вся в цветах. Они росли так густо, что некуда поставить ногу, чтобы не смять их. Катя увидела, что бежит нагишом. Радостно, весело, легко! И вдруг на встречу из-за дерева вышел парень. Увидел голую девушку, закрыл лицо руками и закричал: «Не подходи ко мне!» Поднял с земли вилы и уставился безумными глазами. А Катя не может остановиться, бежит и бежит ему на встречу.

– Никогда бы не подумала, что Сашенька так сможет, – шепнула Елена Николаевна мужу.

– За год в городе не тому научишься, – Сергей Леонидович приподнялся и взбил неудобную подушку. Его подуш-

ку на верблюжьей шерсти жена отдала Кате. И тело липло к простыне от пота. И не мог понять – от чего так обильно вспотел: то ли вечер был душным – явно затихло перед грозой, то ли вспомнил о Кате. До сих пор в кончиках пальцев приятно покалывало от нечаянного касания ног девушки, там – в машине, когда включал скорость.

– Ты как думаешь – серьёзно у них это? – Елена Николаевна повернулась к мужу и уткнулась лицом в плечо.

– Не знаю. Очень уж она красивая. А Санька... он простой, – Сергей Леонидович вздохнул, в груди защемила тоска по молодости. А теперь что? Время ушло. Можно, конечно... Был в Берёзовке, там библиотекарь Мария без мужа с дочкой живёт. Приглашала домой на чай. Да потом как жене в глаза смотреть. И злых языков много – нашепчут, приукрасят.

– Что вздыхаешь? – спросила Елена Николаевна. Катей ей очень понравилась. Только... может, все они – городские, так одеваются, не стесняясь. Блузка прозрачная, юбка – одно название.

– Зачем Санька привёз её в посёлок? Не пара она ему, – сказал Сергей Леонидович и подумал о Кате: «Вроде, простая девчонка с большими голубыми глазами. Но вся эта голубизна глаз, как занавес, как ширма, внезапно распахнётся, откроется и такое на тебя обрушится, что вмиг скрутит, раздавит. И вечером в бане... С какой тут стороны подойти, понять?» Вспомнил, как коросту с раны скovyрнул.

Вечером, перед ужином жена предложила Кате сходить в баню. Ушла. Жена попросила холодной воды принести. Накачал насосом ведро. Пошёл домой мимо бани, дверь скрипнула и на пороге Катя, завёрнутая в полотенце. Как только смогла завернуться в такое узкое? Просит: «Сергей Леонидович, попросите Сашу, чтобы он мой шампунь из чемодана принёс». И стоит, ждёт. Не помнит, как воду донёс – не расплескал. Выглянул из окна в кухне. Санька шампунь понёс. Отдаёт, у самого глаза светятся, как у грузовика, девушку ими освещает. Тут Катя как-то неловко – или ловко – повернулась, полотенце соскользнуло по ногам на крыльцо. Санька развернулся и дал дёру домой. А Катя стоит на крыльце – улыбается. Как тут понять: то ли от стыда растерялась, спряталась за улыбку, то ли над Санькой посмеивается, что в баньку её не утянул?

– Может, оно и к лучшему, – неожиданно сказала Елена Николаевна.

– Что к лучшему? – не понял он, немного раздосадованный тем, что жена прервала воспоминание, которое потом могло перейти в приятный, волнительный сон.

– Что Катя городская. У нас-то в посёлке какая жизнь? Работы нет. А без работы мужики быстро спиваются.

– А в городе, думаешь лучше? – ответил вопросом Сергей Леонидович. – Там все хорошие места по знакомству заняты, а бизнесмен из Саньки не получится.

Санька лежал в зале на диване, подложив ладони под го-

лову. Губы улыбались. Глаза светились. «Она нарочно так сделала! – ликовал парень. – Хотела ... показать... ну, не просто, что красивая! А показать, что любит меня! Да! Да! Да! Ведь если только любишь так вот сделаешь».

Желание Кати поехать в посёлок, было для Саньки совсем неожиданным. Ну, как если бы приехала какая-нибудь голливудская актриса, пришла в общежитие и спросила: «А где здесь Санька Тихонин? Я люблю его».

Санька дружил с Катей шестьдесят восемь дней. Как дружил? Сначала раз в неделю провожал после занятий из университета, потом насмелился пригласить в кино, в кафе. В первые дни даже не верил, что такая девушка согласилась с ним дружить. Хотя... Многие студентки говорили, что он красивый. И от этих перешёптываний за спиной, заинтересованных взглядов девушек сердце радостно колотилось, спина выпрямлялась...

«Завтра свожу Катю на озеро, – решил Санька. – Искупаемся...»

Санька закрыл глаза и стал фантазировать: они будут загорать, он обнимет Катю, поцелует...

Санька вздохнул и обнял подушку. «Почему я не такой, как Макс? – спросил сам себя Санька. Макс учился с ним в одной группе. Жили в одной комнате. Часто просил Саньку готовиться к занятиям в читальном зале. А когда Санька возвращался в свою комнату, то сразу же чувствовал запах духов и видел смятую постель. В первый раз Саньку это

шокировало – как так можно, без любви!? Но проучившись несколько месяцев в университете, понял слова Макса, что «жить надо сейчас и красиво!» И что представления о любви, о ... взаимоотношениях, слово то какое выбрал, между парнями и девушками у него были раньше детсадовскими. Студенты ведут себя свободно, раскованно, словно всем кричат: «Вот смотрите, какие мы свободные!» На столе в аудитории кто-то написал: «Молодость бывает только раз, нажимай на полный газ!!!»

В апреле – солнечном, звенящем сосульками, Катя Раскрепова, самая красивая девушка университета, попросила Саньку помочь ей подготовиться к докладу на научной конференции...

«И вот Катя у меня дома! Спит в моей комнате, на моей кровати! – не мог поверить Санька сказочности всего происходящего с ним и Катей. – Я самый счастливый человек на свете!»

День 2

Утром, в день Иван-купала, Санька завёл отцовский «Москвич» и повёз Катю к лесному озеру, которое находилось в тридцати километрах от посёлка, и поэтому места там были нехоженые, в первозданной красоте. Катя хотела увидеть именно такую природу. «Москвич» бодро ехал по асфальту. Окна открыты. Утренний свежий ветер колышет Катины волосы. Они выются золотым шёлком. Девушка смеётся. Губы влажные, чуть в розовой помаде... Саньке так захо-

телось поцеловать девушку. Он крепче сжал руль и сильнее нажал на педаль. Машина бодро приподняла капот.

– Слушай, мы же будем купаться? – спросила Катя.

– Вода там чистая, на дне каждый камешек видно. Тёплая вода, – ответил Санька и вспомнил свои ночные фантазии. Кончики ушей покраснели.

– А я купальник забыла, – Катя спрятала глаза за ресницы и виновато посмотрела на Саньку. – А людей там много?

– Нет никого, местным далеко, а приезжие не знают, дорога к озеру плутает между гор, – Санька прикусил губу: он так надеялся, что они будут купаться, загорать...

– Вернёмся? – предложил Санька

– Не надо, – Катя рассмеялась.

Санька сбавил скорость, свернул с асфальта на просёлочную дорогу. Окна пришлось прикрыть. Пыль за машиной поднималась столбом. Кидало из стороны в сторону.

– Классная дорожка! – сказала Катя. Правой рукой крепко взялась за ручку над дверцей, а левой – за ногу Саньки.

Санька, когда Катя положила руку на его ногу, выше колена, чуть не перепутал педали газа и тормоза, переехал ручей вброд. Фонтан воды плеснул в лицо через наполовину прикрытое окно.

Справа от дороги сплошной стеной поднимались берёзы, слева бежал ручей, за ним, на поляне – сплошной ковёр цветов. И вокруг неё опять берёзы, берёзы, берёзы.

«Москвич» выехал на берег лесного озера. Санька вышел

и открыл капот. От мотора пыхнуло жаром и запахом бензина.

– Пусть остывает. Приехали, – сказал Санька и открыл переднюю дверцу. Помог Кате выйти из машины.

– Классно! – воскликнула Катя, взмахнула руками, словно хотела взлететь. – Я такое видела только в фильмах – озеро, где живут сказочные лесные феи! Я хочу искупаться! Ты пока отвернись. Я быстро. А потом накроем поесть. После дороги так захотелось попробовать молодых помидор, огурчиков, с хлебом, со сметаной, твоя мама их так хвалила!

Санька повернулся спиной к озеру и сел на траву. Каждой клеточкой тела чувствуя, как девушка сбрасывает лёгкое бирюзовое платье, снимает... Послышались шаги по мелким прибрежным камешкам. Саньке очень хотелось обернуться, Катя не заметит, она же идёт к озеру... Но не решился. Прикусил губы и отшвырнул камешек – золотистый, в голубых крапинках, найденный на берегу. Вспомнил, что хотел подарить его Кате... Но теперь, разве, найдешь. Солнце вспыхнуло на ресницах, в глазах засияла радуга. Санька представлял, как девушка купается. Как солнце сверкает в капельках воды на её стройном, незагорелом теле. Как эти огоньки-капельки скатываются у Кати по шее, груди, животу, бёдрам, ногам...

Мокрая ладонь прикоснулась к плечу. Санька вздрогнул. Услышал за спиной смех Кати и нахально обернулся. Ведь она же сама подошла... Или, как тогда с полотенцем... Скажу – от неожиданности...

Катя стояла вся в капельках воды, беленькая, голубоглазая, в точности такая, как он представлял! Ярко светило солнце и казалось, что фигуру девушки окутывает розовый туман. Санька восторженно замер и первые секунды не замечал купальника. То ли от того, что купальник был миниатюрным, из розовой ткани, то ли не хотел замечать, мечтая, что вот оно! Как он мечтал! В тысячи раз важнее поцелуя!

– Я купальник нашла, – рассмеялась Катя. – Хотела взять из сумки полотенце, смотрю – под ним купальник. Пошли, искупаемся вместе.

Девушка потянула Саньку за руку. Купались, загорали, купались. Ели помидоры, сваренные в крутую яйца, печёный матерью в русской печи хлеб, запивали холодным молоком из термоса.

Потом лежали на широком полотенце в тени берёзы и разговаривали. Ни о чём. О разных пустяках. Хотелось лежать так целую вечность. Санька насмелился, и как будто это вышло случайно, взял ладонь девушки – мягкую, податливую, в свою ладонь. И замер.

– Спасибо, что привёз меня в такое волшебное место, – сказала Катя.

– Я случайно нашёл, с друзьями, на велосипедах, ещё в девятом классе, – ответил Санька.

– Я всю жизнь в городе прожила. В деревню никогда не ездила.

– А я в городе, ну, когда в университет поступил, – Саньке

казалось, что он говорит коряво, а надо такими словами, как в книгах.

– И люди здесь добрые, не такие как в городе. Как волки – каждый вцепится в горло. Убежать хочется. Так, чтобы эти гады не нашли.

– Раньше, когда рудник работал, хорошо жили. Потом рудник закрыли. Кто в город уехал, многие пьют без работы.

– Мои родители в проектном институте работали, потом в бизнес ударились. Совсем другие стали. Отметили в ресторане удачную сделку и на скорости сто двадцать в «Камаз». Забудь. Саша, я так рада, что поехала с тобой. Спасибо.

Катя привстала, повернулась и поцеловала Саньку. В губы! Её грудь прижалась у его груди! Санька замер, растерялся, захлопал ресницами... Но прежде чем успел включить мозги, Катя вскочила на ноги, грациозно натянула платье.

– Скоро вечер, пора ехать, – сказала девушка и посмотрела Саньке в глаза, улыбнулась кончиками пухленьких губ.

«Какой же я идиот!» – обозвал себя Санька.

На обратном пути, когда до посёлка осталось не больше километра, Катя увидела на берегу реки, когда переезжали мост, две иномарки и отдыхающих молодых людей: двух парней и двух девушек.

– Кто они? – поинтересовалась Катя.

– Круглов и Котов. А девушки – мои бывшие одноклассницы... Надя и Вера.

– Жёны?

– Нет... так.

– Понятно. Круглов, наверное, тот – бритоголовый? – улыбнулась Катя. – Чем они занимаются?

– Водкой торговали. Потом купили универмаг и другие магазины в посёлке. Денег море.

– Местные олигархи, – в глазах Кати сверкнули искорки. Санька почувствовал ревность.

– Давай искупаемся, а то дорога была пыльной. Песок на зубах скрепит – предложила девушка.

Саньке очень не хотелось останавливаться рядом с Котовым и Кругловым. Поэтому проехал вдоль берега как можно дальше от них, заглушил мотор «Москвича» в том месте, где росли три берёзы и закрывали от глаз местных бизнесменов.

Санька нахмурил брови: ему показалось, что Катя не просто сняла платье, а сняла его как-то... эротично. И прошла по берегу, словно демонстрируя свою красоту.

«Она же со мной приехала, так ходит, – Санька отвернулся, но голова сама повернулась обратно. – Это она для меня так».

– Ты посмотри, какая бабочка! – восхищённо причмокнул Котов.

– Та, что у берёз с Санькой Тихониным? – уточнил Круглов, хотя видел, куда смотрит Котов. «Ну, чисто мартовский кот» – усмехнулся кончиками губ. – Где Тихоня такую откопал?

– Из города девочка, – скучающее, круглое лицо Котова,

покрытое капельками пота, как блин маслом, преобразилось. Проступили черты из семейства кошачьих покрупнее – самодовольного тигра на охоте. Живот подтянулся. – Моя будет.

– Не спугни.

– Таковую не спугнёшь. Сразу видно – породистая. Не то, что наши тёлки. – Котов кивнул на Веру и Надю. Девушки-близняшки сидели рядом на мелкой прибрежной гальке. Обе в модных купальниках, длинноногие и стройные, как модели, но пятки в тёмных трещинках, под ногтями, с дорогим красным лаком – тёмные ободки.

Вера и Надя заметили, куда смотрят Котов и Круглов. Зависть хлестнула по лицу как пощёчина. Щёки девушек покраснели, глаза прищурились. Не красоте фигуры позавидовали: у самих не хуже. А позавидовали раскованности, свободе, независимости девушки, которая приехала с Санькой Тихониным.

– Жаль Саньку, – шепнула Вера сестре.

– А чо жаль-то?

– Втюрился дурак, как пескарь в щуку.

– В породистую суку, – усмехнулась Надя. Быстро скосила глаза на Котова – не услышал бы.

Вера придавила зубами кончик длинного ногтя, но вспомнила о маникюре, хотя – наморщила носик – он не помешал ей вчера полоть грядки. Бабка заставила. Мать и отец спились, год назад отравились палёной водкой, до больницы не

успели довести. Осталась бабка, большой запущенный дом, огород, наполовину заросший крапивой, несколько грядок. Год назад окончили школу, учились с Санькой Тихониным в одном классе – Вера посмотрела на Тихонина, как он, истекая слюной, пялится на свою городскую стерву – и пусть разобьёт себе морду в кровь, дураков учить надо. Вера вспомнила, как они с сестрой пытались устроиться на работу. Но где её в посёлке найдёшь. Пошли на поклон к Круглову. Устроил продавщицами в киоск на автовокзале. Появились деньги, хоть и небольшие, но их хватало раз в неделю покупать колбасу и по шоколадке. Потом Круглов пригласил их в ресторан, объяснил, что может перевести сестёр в универмаг. Там не придётся летом изнывать от жары, зимой – мёрзнуть. Ночью дрожать от страха. Бегать в туалет под мост – на автовокзале туалет давно закрыли, а тот, что построили на улице, кто-то украл, осталась одна вонючая яма.

В первый раз было жутко стыдно... Но Круглов щедро сорил деньгами. А возвращаться назад – в нищету, нет! Сначала Круглов пользовался один. Потом привёл Котова. Тот ещё жмот. Наглый, сам в деревне родился, а деревенских презирает.

«Встать бы сейчас и уйти! – подумала Вера. – Но куда? Кому мы нужны? Сходить в церковь на исповедь, а потом в город уехать? На первое время накопленных денег хватит». Но тут на волосатой груди Круглова сверкнул золотой массивный крест на золотой цепи, и Вера решила в церковь не

ходить.

– Они хоть и кобели, – прошептала Надя, кивнув на Котова и Круглова, которые ушли метров на десять ближе к тому месту, где купалась городская, – но денег у них уйма, накопим – в город мотнём. Учиться поступим, парней стоящих найдём, замуж выйдем, и закончится наш кошмар. А если эта сучка попытается нас отшить, я её вилами к земле пригвозжу, пусть извивается как поганый, раздавленный червяк.

Катя вышла из воды, встряхнула волосами. Легла на большое махровое полотенце, которое расстелил Санька в тени от берёзы.

«Решил, что кожа у меня такая нежная, что обгорю на солнце, – улыбнулась Катя. – Пусть полюбуется мной в награду». Девушка перевернулась на живот, предоставив Саньке – он сидел рядом – любоваться совсем близко её спиной... «И как там в песне: «У меня самая красивая попа», – вспомнила Катя. – Моими очаровательными ножками. Попросить, чтобы натёр меня кремом от загара? И этого пока довольно. Дрессировать надо не спеша. А то надорвётся от счастья. Наверное, думает, что я влюбилась в него. Поэтому приехала с ним на каникулы в деревню. Убежать, спрятаться мне надо было на время. А тут он – застенчивый, с чистыми голубыми глазами, влюблённый. Подарю ему сегодня ночью счастье. А потом к этим – в боксерах – присмотрюсь. Влипла я из-за Вадима по самое не хочу. Объявился гад. Не могли его в тюрьме пришить».

Круглов, проводив взглядом «Москвич» Тихонина, сказал Котову:

– У меня идея проклюнулась. Построим на берегу лесного озера, ну то, помнишь, Хрустальное, базу отдыха с баней, сауной с массажным салоном, девочками. Рекламу толкнём.

– Хорошая идея, – согласился Котов. – Я в доле. Но пока бери на себя. У меня сейчас времени в обрез – в депутаты двигаю, а там – и на главу района. С нужными людьми уже договорился. И таких, как эта, городская, в массажистки наберём. Ну, не я буду, если не попользуюсь. Пойдём, искупаемся, а то закипаю от возбуждения.

Они пошли к воде, Круглов – играя мускулами, Котов – втягивая живот.

Надя толкнула локтём сестру и кивнула в сторону чёрного «БМВ» Котова. Там, на дверце, висел пиджак Котова. Из внутреннего кармана пиджака выпирал портмоне с толстой пачкой денег.

«Что?» – спросила глазами Вера.

– У Кота полный бумажник денег, – шепнула Надя. Давай стырим немного. Он не заметит.

– Ты чо – дура! Это Кот – не заметит?! – возмутилась Вера. – Он нам такое устроит, мало не покажется. Забыла, как вытащила у него из кармана тысячу? Ещё хочешь острых впечатлений?

– А мы чо – бесплатно должны его ублажать? Весь день тут на пляже корячимся. Насмотрится он на эту городскую,

насосётся своего хенеси, ночью нам такую камасутру устроит.

– Давай уедем в город.

– А чо там делать? У дороги стоять? Тут хоть нами только два этих козла пользуются. Боюсь, наш Кот на эту городскую запал. Бросит нас, вот тогда запоём без денег и работы.

– Замуж надо выходить.

– Кто ж нас возьмёт? Про нас все в посёлке знают.

– Говорю же, в город поехали. Поступим в училище. Общагу дадут.

– Потом найдём таких вахлаков как СанькаТихонин, – рассмеялась Надя.

– Начнём с чистого листа, – Вера посмотрела в далёкое голубое небо с белыми-белыми облаками. – Помнишь, какая у меня любовь была с Борей Знамовым? В десятом классе.

– Влюбилась в него, как дура, а я ведь предупреждала тебя, – с укором в карих глазах сказала Надя.

– А ты воспользовалась этим, – Вера резко откинула за плечи волнистые каштановые волосы – длинные, густые, сверкающие под лучами солнца.

– Правильно, он переспал с тобой, а потом ему мамочка запретила встречаться с тобой. Она же в райсовете работает, а ты – нищета голожопая. Вот я и пригрозила ему, что если не даст на аборт тридцать тысяч – в полицию заявление напишу.

– Зачем про беременность, аборт выдумала?

– А ты думаешь – он бы денег дал? А так его мамашка сама притащила.

– Как я тогда тебя ненавидела, – на глазах Веры навернулись слезинки.

– Думала – так любит, что жениться вопреки воли родов? Да он же затюканный. Мать строго посмотрит – он описается от страха.

– Он такой нежный, ласковый... – вздохнула Вера.

– Все они ласковые, когда, как в песне: «Чо те надо, чо ты хошь?» – усмехнулась Надя. – Очнись! Как только его мамашка узнала о тебе, сыночек сразу дорогу к нашему дому забыл. Он же с золотой медалью из школы и прямо в МГУ.

– Я хоть по любви, – рассердилась Вера на сестру и отвернулась.

– Колька Видов мне каждое воскресенье по тысяче рублей приносил. Ему мамочка на обед давала, а он для меня копил.

Громко тарахтя, выпуская из перегретого мотора клубы дыма, на берег выехал старенький «Иж» с коляской. Красный мотоцикл с жёлтой коляской. Исцарапанный и мятый, с разбитой фарой.

– Смотри-ка ты, Брагин пожаловал, – презрительно усмехнулась Надя. – Как только Валя с ним живёт. Он же, как напьётся, гоняет её по всей улице и орёт: «Убью проститутка! Опять к Круглову бегала!»

– Какая-то сволочь рассказала ему, что у Вали дочь от Круглова, – Вера сочувственно вздохнула.

– А правду, чья? – в глазах Нади вспыхнули искорки.

– Наташка, подружка Вали, за одной партой сидели, говорила, что Круглова. Тоже в Круглова была влюблена. Может, врёт. А Круглов тогда в университете учился, после второго курса приехал на каникулы. На выпускном вечере от Вали не отходил. Не знаю, что там произошло, но когда Круглов обратно в город уехал, Валя долго ходила потерянной, вся в слезах. Тут Брагин из армии пришёл. Валу давно любил, какие письма писал. Валя сторонилась, но мать её настояла, за руку к Брагину притащила. Сыграли свадьбу. Через семь месяцев родилась дочь. Все и зашушукались – как так? Владимир Кондратьевич, добрая душа, справку дал, что родила семимесячного.

– Ну, родила бы Брагину ребёнка. Успокоился бы, – сказала Надя.

– Не получается у него. В армии, говорят, облучился.

– Вот и прижал бы задницу.

Круглов и Котов вышли из воды. Котов бросил взгляд на портмоне, призывно торчащее из кармана пиджака, недовольно наморщил широкий нос. Легли загорать на огромное махровое полотенце. Круглов бросил взгляд на Валентину и улыбнулся.

Сергей Брагин заглушил двигатель мотоцикла. Конечно, можно было отъехать подальше – берег длинный – от компании Круглова, Котова и сестёр-близняшек, но Сергей решил остановиться рядом. Валя посмотрела на злое лицо мужа

и сникла. Она поняла, что искупаться, отдохнуть от вечерней духоты у прохладной реки не получится. Брагин опять начнёт унижать её перед Кругловым, демонстрировать свою власть: вот видишь, она моя баба, что хочу, то и делаю.

«Ведь любит меня, пьяный ревнует, изгаляется, а проспится – обнимает ноги, целует, на коленях прощения просит. – Валя вздохнула и решила не снимать платья, искупать только дочку Варю. Но увидела голубые глаза Андрея Круглова. Сбросила платье, швырнула его в пыльную коляску.

Валя сняла с дочки васильковое платье. Девочка побежала к реке, смеясь и размахивая руками. Валя поспешила за дочкой. Сергей Брагин смотрел на красивую, стройную жену, склонив голову вниз, нахмутив широкие брови, в синих глазах темнело.

«Вишь как задом завияляла, увидела своего, – Сергей вытер кулаком потные усы, пнул колесо мотоцикла: «Поймаю, заколю вилами обоих».

Брагин скинул брюки, засученные до колен, рубаху, порванную на локтях, пошёл вслед за женой и дочкой. Но Круглов окликнул его:

– Серёга! Привет! Как поживаешь? Помнишь, как играли в одной футбольной команде, первенство района выиграли. У меня тут коньяк первоклассный.

Брагин сердито посмотрел на Круглова, но подошёл.

– Налей, если не жалко, – Брагин взял полный стакан и выпил залпом: «Пусть эта мразь видит – я здоровый мужик,

и Валька теперь моя! Я её муж!»

Круглов кивнул Наде, чтобы она вновь налила полный стакан коньяка Брагину. И пока тот пил, запрокидывая голову назад и крепко вцепившись в стакан, посмотрел на Вальку, играющую в брызги с дочерью. Вспомнил выпускной бал в школе, на который девушка пригласила, дерзко, смело посмотрев в глаза. Как танцевали, вдвоём стояли в пустом классе. «Вот и всё, – сказала тогда Валя. – Никогда больше не соберемся мы всем классом за этими партами, не услышим звонок на урок». И такая грусть звучала в её голосе! Он взял девушку за плечи, повернул лицом к себе, поцеловал в губы. Потом все разошлись: кто домой, кто гулять до утра, встречать рассвет, а они на отцовской «Волге» уехали на берег лесного озера с хрустальной чистой водой. Купались, целовались. Валя вся распахнута от счастья. А потом...

«А потом я сказал ей: «Ты же теперь взрослая девушка, сама меня пригласила, а мне не хотелось скучать этой ночью. У вас тут даже приличного кафе нет. Повеселились и разбежались, завтра утром в город уезжаю». – Круглов прикусил губы, но вины не чувствовал. Наоборот, вспомнил, как тогда, наслаждаясь близостью с Валентиной, его распирала гордость от того, что красивая, неприступная девушка смотрит на него большими влажными глазами: «Как ласковая собака на хозяина. Прошло шесть лет, Валя вышла замуж, родила ребёнка...»

«А ведь всё могло сложиться иначе, – подумал Круглов. –

Но я не жалею. Кем бы я стал в этой задрюпанной деревне? И не любил я Валентину. Просто хотел, чтобы самая красивая девчонка школы была моей. А ведь она до сих пор любит меня. Почему бы не вспомнить приятное».

– Влад, отвези близняшек домой, – попросил Круглов Котова.

– А этот? – кивнул Котов на Брагина, который сильно опьянел, и сидел на песке, сам себе наливая коньяк.

– Ноу проблем, – рассмеялся Круглов и подвинул ногой бутылку ближе к Брагину. Тот быстро выпил. Рыгнул. Заплетаящимся языком стал мямлить:

– Приду домой, Валька сапоги мне снимет. А потом в кровать её завалю, понял, да! Она жена моя! Что хочу – сделаю. Ноги вытирать буду! Понял, да!

Брагин с утра ничего не ел. Поругался с женой, отказался от обеда. К вечеру, чтобы сгладить вину повёз жену и дочь купаться. Брагин закрыл глаза, повалился на песок и захрапел.

Валя видела, что Круглов спаивает её мужа, видела, как Сергей безобразно себя ведёт, было за него очень стыдно, но боялась подойти: пьяный Брагин мог унижить её, ударить при Андрее.

Круглов подошёл к Вале, перешагнув через Брагина.

– Здравствуй, Валентина, – поздоровался Круглов, глядя в глаза.

– Здравствуй, Андрей, – ответила Валя и отвела взгляд.

– Дочка на тебя походит.

– Походит, – как эхо ответила Валентина, стараясь не смотреть на Круглова, что не встретиться взглядами.

– Привет, – Круглов наклонился к дочке Валентины, погладил по густым каштановым волосам, которые мокрыми колечками падали на узенькие, беленькие плечи. – Держи шоколадку. Хочешь поиграть в машине, музыку послушать?

– Хочу! – радостно ответила девочка, восхищённо глядя на большую, сверкающую в лучах солнца машину.

Вале хотелось подхватить дочку на руки и убежать, убежать... но руки словно онемели, а ноги приросли к земле.

Круглов подвёл девочку к своей машине, открыл дверцу «Вольво» и посадил Варю на сиденье водителя.

– Вот тебе целая гора дисков, или нажимай вот на эти кнопки. Сможешь?

– Мама говорит, что я очень умная. И читать я умею, – рассмеялась девочка и включила магнитолау.

Круглов вернулся к Валентине. Она ругала себя, что позволила увести дочь в машину, а сама сидит на полотенце, в купальнике. «Надо встать, забрать Варю и уйти... – Валентина крепко сжала колени руками, пальцы побелели, обручальное кольцо больно впилось в кожу.

– Пошли, посидим в тени берёз, у воды жарко, – предложил Круглов и протянул руку. Валентина взялась за руку и встала. Круглов поднял полотенце.

Сели на траву среди берёз, но так, чтобы видеть «Воль-

во», в которой играла с магнитоной дочка. Так спокойнее и звонкий голосок Вари, подпевающий песенкам, напоминает, что она мать, и всё то, что случилось, давно прошло и не надо делать новых глупостей. Но та – первая любовь, подпёрла изнутри сердце волной кружащего голову счастья. Словно и не пролетело шесть мерзких лет, когда хотелось выть от отчаянья, и спасала только дочка. «А ведь я люблю его! Он сломал мою жизнь, а я люблю его!» – Валентина в отчаянье стиснула кулаки, но не отбросила руку Круглова, когда он обнял её за плечи.

– А ведь ты меня любишь, – прошептал он Вале на ухо, тронул губами серёжку в мгновенно вспыхнувшем огнём ухе. – До сих пор любишь.

«Хоть на миг, но вернусь к счастью. Так хочется любить!» – Валентина обняла Андрея и отдалась во власть его сильных рук.

Круглов по глазам, ласке рук видел, чувствовал, что Валентина любит его, и сам удивлялся – за что? Или так памятна, сильна и безрассудна первая любовь? И когда женщина любит, это совсем другое. Те же близняшки, они продают себя за хорошую работу, деньги. Но с ними ... как сахар лизать через стекло. Какая пропасть между фальшивым и настоящим! На миг Круглов почувствовал себя мерзко – рвёт, комкает любовь ради эгоистического наслаждения: на несколько минут вернуться туда, куда нет обратного пути – в юность. Но ведь тогда не любил и сейчас не любит, но...

зачем сомнения – надо брать всё, что хочешь. Так поступают сильные люди!

Круглов предложил отвести Валентину и Варю домой на своей машине. Но Валентина отказалась. Завела мотоцикл, посадила дочку в коляску и быстро уехала. На берегу остался только серый дым от мотоцикла. Валентина гнала старенький «Иж» по асфальтовой дороге, объезжая ямы, рытвины. Свернула на Первомайскую. Мотоцикл подпрыгнул, Валентина прикусила язык.

«Дура! Какая я дура!» – сердилась она на себя. С тревогой вспомнила, что там, на берегу, когда она была с Андреем, почувствовала из-за деревьев чей-то ненавидящий взгляд. Могло показаться...

Круглов подошёл к пьяному Брагину. Тот крепко спал, уткнувшись лицом в песок и пуская слюни. Презрительно двинул ногой.

– Хозяин жизни, – Круглов презрительно плюнул. Почувствовал на спине чей-то ненавидящий взгляд, быстро обернулся, но заметил только тень, скрывающуюся за берёзами.

День 2

Оливия, учительница литературы, дочитывала томик стихов Байрона. В кремовом платье до пят, с кружевным воротом, длинными рукавами с оборками, в свете настольной лампы Оливия походила на девушку-барышню времён Пушкина. Оливия сама не знала почему, но всегда надевала самое красивое платье, когда садилась читать стихи Байрона,

Ахматовой, Гумилёва, других своих любимых поэтов. Уютно сидела в большом бархатном кресле, левой щекой чувствовала приятное тепло настольной лампы. Хорошо бы камин... но в двухкомнатной квартире на первом этаже было тесно от полок с книгами.

Оливия закрыла томик стихов и долгим взглядом посмотрела на вершину горы Крапивиха. Большие камни на её вершине напоминали средневековый замок.

В прихожей прозвенел звонок. Оливия с грустью отвела взгляд от горы, отложила книгу и пошла к двери.

– Добрый вечер, Оливия Марковна, – на пороге стоял Андрей Круглов с букетом цветов.

Оливия вздрогнула: в полумраке коридора Круглов так походил на Байрона, зачем только подстригся наголо.

– Спасибо за книгу, – поблагодарил Круглов и протянул букет цветов. – С большим удовольствием прочитал.

– Никогда не думала, что ты любишь поэзию, – улыбнулась Оливия и приняла цветы. – Ох, и намучилась я с тобой в одиннадцатом классе.

– Глупым был, считал, что литература – это так себе, ненужный предмет. Теперь благодаря вам навёрстываю упущенное. Вот Гумилёв. – Протянул книгу, завёрнутую в красный пакет.

– Что тебе дать почитать?

– Предложите сами. Вы замечательный учитель. Открою секрет, все парни в школе были влюблены в вас. Вы тогда

первый год после института работали в школе. Юная, прекрасная фея литературы!

Оливия смутилась, щёки покраснели, большие васильковые глаза спрятались за длинные ресницы. Тихо сказала:

– Проходи к столу. Сегодня у меня маленький праздник – купила свой любимый кофе. Чайник скоро закипит.

Круглов наклонился и поднял пакет с коробкой конфет и бутылкой итальянского красного вина.

– Мои любимые конфеты, – Оливия захлопала ресницами, как бабочка крыльями. – А вино – лишнее.

– Лёгкое, такое Байрон любил. Прочитал биографию вашего любимого поэта

– С учениками...

– Оливия Марковна, – улыбнулся Круглов, – я давно не ученик.

– Тогда мне надо переодеться. Пить вино надо в другом платье.

Вернулась в комнату в вечернем бардовом платье, с золотой цепочкой. Круглов с радостью отметил, что Оливия подвела помадой губы, подкрасила ресницы.

– Вы прекрасны! Именно таких девушек поэты называют музами, – Круглов прижал ладони к сердцу. Открою ещё один секрет: из всех влюблённых в вас учеников я был самый влюблённый.

– Андрей! – вздохнула Оливия, но Круглов видел – ей очень приятно принимать комплементы. Можно сказать –

она тоскует по комплементарам в этой серой, скучной для такой девушки как она, жизни.

Круглов наполнил бокалы вином.

– За поэзию и любовь! И за девушек, которые вдохновляют поэтов! – Андрей посмотрел на Оливию, хрустальные бокалы зазвенели.

Было чуточку стыдно, но приятно от слов Круглова, от его взглядов на декольте с золотой цепочкой и кулоном виде сердечка. От смелого выреза на платье от пола до бедра. И ожидания – как оценит её стройную фигуру с тонкой талией, длинные ноги... Оливия гордилась, что в свои двадцать восемь сохранила красоту своей юности, когда после окончания института приехала работать в школу. Внешность осталась... Только вот ничего не осталось от наивности и романтики юной учительницы. Несколько раз, когда становилось уж слишком горько и одиноко, Оливия хотела бросить всё и уехать в город. Но кому она там нужна? А здесь – любимая работа, двухкомнатная квартира.

Три раза Оливия знакомилась с молодыми людьми. Но один любил выпить сильнее, чем стихи, хотя «творил» стихи и публиковался в газетах, второй, кроме «Букваря» не прочитал не одной книги, но ухаживал романтично, третий... у него до тошноты пахли ноги, хотя работал он замом главы района и были перспективы.

Оливия из-под ресниц посмотрела на Андрея и дерзкая, почти безумная мысль мелькнула в голове.

«Он мой ученик, я учила его в одиннадцатом классе... Он младше меня! – заволновалась Оливия, чувствуя, как возбуждений охватывает тело. – Это всё вино. Мне хочется верить, что он влюблён в меня. Дарит мне цветы... Нет, нет! Я не могу! Сколько будет сплетен, разговоров. А что – остаться старой девой, ожидая принца на белом коне? Как хочется быть любимой и любить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.